

В. СОРОКИН
КАПИТАЛ

Владимир Сорокин

Капитал

Пьесы

Издательство аст

Москва

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6
С65

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Сорокин, Владимир
С65 Капитал. Пьесы / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. — 672 с.

ISBN 978-5-17-108674-9

В сборник “Капитал” вошли все пьесы Владимира Сорокина, написанные за четверть века — с середины 1980-х по конец 2000-х.

Выстроенные в хронологическом порядке, они ярко демонстрируют не только разные этапы творчества писателя, но и то, как менялся главный герой его произведений — русский язык во всех проявлениях: от официозного до интимного, от блатного до производственного жаргона. Карнавальная составляющая сорокинской полифонии разворачивается в его драмах в полную силу и завораживает многообразием масок, у которых есть одна, но очень важная общая черта: все они напоминают (или попросту передразнивают) героев русской классической прозы.

В конце 1980-х Сорокина ставили полуподпольно, в девяностых “Dostoevsky-trip” и “ЩИ” играли в легендарном московском Театре на Юго-Западе, середина 2000-х отмечена альянсом писателя с театром “Практика” и удачными постановками “Свадебного путешествия” и “Пельменей” в России и Германии. Но несмотря на разную сценическую судьбу, пьесы Сорокина всегда точно попадали в нерв времени, предсказывая и опережая тенденции развития современного русского театра.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)6-6

ISBN 978-5-17-108674-9

- © Владимир Сорокин, 2010, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
Издательство CORPUS ©

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕМЛЯНКА	9
ДОВЕРИЕ	57
ПЕЛЬМЕНИ	111
РУССКАЯ БАБУШКА	163
ЮБИЛЕЙ	191
С НОВЫМ ГОДОМ!	223
ДИСМОРФОМАНИЯ	241
НОСНZEITSREISE.....	321
ЩИ	389
DOSTOEVSKY-TRIP	491
КАПИТАЛ	541
ЗАНОС	585

· ЗЕМЛЯНКА ·

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Соколов Сергей Петрович — 25 лет, старший лейтенант.

Волобуев Виктор Тимофеевич — 42 года, лейтенант.

Денисов Алексей Васильевич — 24 года, лейтенант.

Рубинштейн Зиновий Моисеевич — 20 лет, лейтенант.

Пухов Иван Иванович — 20 лет, лейтенант.

В центре темной сцены тесная прокопченная землянка. В ней на грубых березовых комельях сидят Соколов, Волобуев, Денисов, Рубинштейн. Они в полушубках, перетянутых портупьями, в шапках-ушанках. Посередине землянки стоит ящик из-под снарядов, на ящике — сделанная из гильзы лампа-коптилка. В углу потрескивает печка-буржуйка.

ВОЛОБУЕВ (грея руки над буржуйкой). Ну что, Леш, почитай газетку.

ДЕНИСОВ (растегивает полушубок, бережно достает газету, разворачивает). Так...

СОКОЛОВ. Да ты двигайся ближе, не видно ж ничего.

РУБИНШТЕЙН (берет коптилку, подносит к газете). А мы вот так устроим.

ДЕНИСОВ (устало усмехнувшись). Во. Как днем. Так...

Читает.

В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки...

СОКОЛОВ (перебивает). Погоди-ка! Что ж мы про Ваню за-

были? Подожди, Леш, он сейчас вернется, тогда все и послушаем.

Волобуев. Да что он, сам не прочтет? Придет и прочитает. Читай!

Соколов. Отставить. *(Укоризненно Волобуеву.)* Как харчи принести — так Пухов.

Волобуев *(недовольно)*. А что... у кого кость помоложе, тот и пусть подсуется. Нам денщиков не положено — рожей не вышли.

Рубинштейн. Вы, Виктор Тимофеевич, всем вышли, а вот равных по званию почему-то не уважаете.

Волобуев. Эх, мальчики. Попались бы вы мне год назад. Когда я в майорах ходил. Тогда б поговорили об уважении.

Соколов. Да хватит вам, Волобуев. Будто мы все виноваты, что вас разжаловали.

Волобуев *(растегивает ремень и полушубок)*. Хватит, не хватит... Вы на войне без году неделю, а мне вон... *(Снимает ушанку, показывает шрам на виске.)* В Гражданку еще вlepили белые. Тогда помоложе вашего Пухова был. Финскую прошел. Вот и толкуйте, кто кого уважать должен.

Денисов. А за что же вас... ну... того?

Волобуев *(достаёт кисет, принимается сворачивать самокрутку)*. За что, за что... За то, что не люблю, когда врут и цену себе набивают.

Рубинштейн. Это как?

Волобуев. Да вот так. Были на маневрах, под Киевом. Ну, я батальоном командовал, а в политруках у меня такая сволочь ходила — не приведи встретиться. Карьерист, выскочка, сынок генеральский. Ну и короче, когда Днепр форсировали, у нас солдат утонул. А эта сволочь дело так представила, что, дескать, солдата специально утопил другой солдат.

И сделал это потому, что в душе был классовым врагом. Вот. Ну и пошел раздувать, особистов на солдата навесил. Потом и сержанта зацепил, а после, глядь — и старшину нашего, Петровича. Тот ему, гаду, в отцы годился. Ну, здесь уж я не стерпел, вызвал его на разговор. Как же, говорю, так можно преданных людей марать? А он мне — у тебя, Волобуев, политическая близорукость. У нас в батальоне троцкистские выкормыши свое тайное гнездо вьют, а ты не видишь ничего. Вот как. Смотрит на меня орлом, а после говорит — если, Волобуев, ты и дальше будешь покрывать классовых врагов, то я доложу кому надо. Ну, тут я уж не сдержался — кааак врежу ему по роже. Он с копыт. А я — с майоров.

Отворяет дверцу печки, поджигает ветку и прикуривает. Дверь землянки распахивается, входит Пухов с двумя большими котелками в руках.

Пухов. Принимай жратву, братцы!
Волобуев. Во! Это — дело!

Все помогают Пухову расположить котелки на ящике.

Пухов. Нам самый верх! А каша с маслом.
Рубинштейн. Вань, ты просто Кутузов!
Денисов. Наш Ваня — человек бывалый.
Пухов. А то как же!
Волобуев. По местам.

Достает ложку, открывает котелок.

Со щей начнем.
Соколов. Леш, достань хлеб.

ДЕНИСОВ (*развязывает вещмешок, вынимает буханку*). На.
СОКОЛОВ (*режет хлеб*). Вань, как там обстановочка?
ПУХОВ. Нормально. Твои на гармошке играют.
СОКОЛОВ (*усмехается*). Это Диденко. Хороший парень.
ВОЛОБУЕВ. Ну что, командир, замочим жало?

Соколов вынимает фляжку со спиртом, Рубинштейн дает кружку. Все по очереди пьют из кружки спирт и принимают есть из котелка.

СОКОЛОВ. А мы, Ваня, без тебя газету не читали.
ПУХОВ. Вот спасибо. Может, почитаем?
ДЕНИСОВ (*хлебая щи*). Дай поесть сперва.
ПУХОВ. Поесть успеешь. У кого газета?
ДЕНИСОВ. У меня.
ПУХОВ. Дай почитаю.

Денисов передает ему газету.

ПУХОВ (*читает*). В ночь с 26 на 27 декабря на Курском направлении после продолжительной артподготовки умели делать по-гнилому. Мы делали по-гнилому, развертывали по-гнилому, и стаскивали по-гнилому, и клали по-гнилому, положение теплое по-гнилому, положение участливое по-гнилому, урон выщербленных по-гнилому, дислокация тебя по-гнилому, наматывание на вал по-гнилому, чешуйчатость половины по-гнилому, полевая батарея по-гнилому, пленный дивизион по-гнилому...

ВОЛОБУЕВ. Не гони. Читай помедленней.

ПУХОВ (*продолжает медленней*). Распределитель веса по-гнилому, использование огня по-гнилому, отслаивание детей по-гнилому, окопная война по-гнилому, делание через чох по-гнилому, обрадование

по-гнилому, тропинчатость по-гнилому, делать ворот по-гнилому, искроулавливатель по-гнилому, тайный маршрут по-гнилому, полодие по-гнилому, лампопрокатчик по-гнилому, бумагоделатель по-гнилому, речное большинство по-гнилому, резка вещей по-гнилому, чужие поручни по-гнилому, телефонизирование по-гнилому, бронхиальные кнопки по-гнилому, буквопечатание по-гнилому, лошадиный инвентарь по-гнилому, истаро истаропно по-гнилому, четность ошибок по-гнилому, истопник пружин по-гнилому, дело детей по-гнилому, отправление корпуса по-гнилому, поздравления по-гнилому.

Соколов. Ну и правильно. Давно пора эту пробку вышибать.

Рубинштейн. Эх, товарищи, хорошо бы их там всех поморозило к чертовой мамушке!

Денисов. Сначала мороз поморозит, а потом мы будем морозить так, что нам потом будут делать только на мороз. Ну... то есть, ну, когда... (*жестикულიрует ложкой*) морозят сильно, то есть очень сильные подмораживания по правилам. Сильно их, а?

Волобуйев. Подморозим, не бойсь. Дай только время. Они еще от нас будут Берлин оборонять. Доберемся до логова, тогда и поморозим.

Соколов. Ну, морозить там, не знаю. У них тепло, климат европейский.

Рубинштейн. Климат — да. У них исключительно тепло. Но иногда и холодные зимы бывают.

Ест из котелка.

Пухов (*разглядывает газету*). А тут еще... вот.

Читает.